

ныхъ выше нами чертъ, признаваемыхъ г Бубновымъ специфически русскими) служить существенными опредѣленіями именно русской философии и русскаго религіознаго мировоззрѣнія. — Характеристика русской культуры получается въ частности, можетъ быть, и правильная (хотя встрѣчаемъ, напр., врядъ ли вѣрную оцѣнку петровскихъ реформъ, какъ революціоннаго переворота; сомнительное утвержденіе, что русский народъ не отличается терпѣемъ и выносливостью въ борьбѣ за поставленныя себѣ цѣли; сомнительныя утверждения о послѣднихъ годахъ жизни Гоголя — стр. 11 и др.), но въ цѣломъ вѣрная, невыразительная и бездоказательная.

Несмотря на отмѣченные недостатки въ качествѣ **информационной** брошюра г. Бубнова для нѣмецкаго читателя можетъ быть полезна.

П. Прокофьевъ.

Н. А. Клепининъ. Святой и благовѣрный великій князь Александръ Невскій YMCA-Press, Paris s. a. Стр. 202.

Житія святыхъ, издаваемые YMCA-Press, могутъ заинтересовать не только православнаго читателя. Посвященные, главнымъ образомъ, русскимъ святымъ, они являются памятниками русской культуры и въ то же время вѣхами русскаго самосознанія. Составленные въ разномъ стилѣ людьми разныхъ направленій православной мысли, они представляютъ опыты обновленія агиографическаго канона новыми научными и литературными средствами. Попытки эти не одинаково удачны, но всегда интересны. Наиболее значительны, хотя и пререкаемы, художественно - психологическая интерпретация житія св. Сергія Радонежскаго и богословская св. Серафима Саровскаго (авторы: Б. Зайцевъ и В. Н. Ильинъ). Книга Н. А. Клепинина, какъ это естественно, по самой ея темѣ, представляетъ опытъ интерпретаціи исторической.

Можетъ «опытъ», т. е. искомаго и спорнаго, заключенъ въ заданіи органическаго сlynія исторіи и агиографіи. Конечно, можно совершенно отрицать право агиографіи на существованіе, и тогда придется сказать, что книга Клепинина — талантливый историческій очеркъ, испорченный церковной тенденціей. Таково, вѣроятно, и будетъ мнѣніе многихъ читателей. Но въ такомъ случаѣ, будучи послѣдовательнымъ, надо отрпцать и всякую оцѣночную, философски-углубленную біографію. Біографія подвижниковъ духа не можетъ не быть усмотрѣніемъ и истолкованіемъ ихъ духовнаго опыта, — и такое истолкованіе не для всѣхъ убѣдительно. Однако, всякое иное обезкровливаетъ и обездушивааетъ самую тему, топить ее въ случайномъ и вѣшнемъ.

Особенность агиографіи святого князя въ томъ, что героемъ ея является не человекъ «духовный» въ специфическомъ смыслѣ слова — т. е. не человекъ созерцательнаго, молитвеннаго подвига, а политическій дѣятель. Какъ политикъ, Александра Невскаго судить исторія, и судъ ея долженъ быть вполне независимъ отъ линой святости князя. Канонизація св. Александра не канонизируетъ политики Невскаго героя. Но, при чрезвычайной скудости нашихъ свѣдѣній о личности св. Александра, агиографъ стоитъ передъ очень трудной задачей Цер-

ковью несомненно освящено общественное, национальное служение князя, не только его личное благочестие. Но как отделять вечную идею этого служения от случайной и исторически всегда своей ся реализации? — В этом вся трудность исторической биографии.

Скажемъ сейчасъ же, что формально и стилистически эта задача разрешена авторомъ блестяще. Онъ нашелъ ту благозвучную и мужественную простоту языка, которая съ одинаковой естественностью облекаетъ и этические замѣтки летописей и историко-культурную конструкцию автора. Особенно удается ему простое повѣствованіе — самое трудное для современнаго историка. Въ всякой стилизации, достигнуто такое приближеніе къ духу летописнаго разсказа, которое часто стираетъ грани между историкомъ XIII и XX вѣка. Однако, современныя историко-культурныя конструкции вмѣщаются въ ту же словесную оправу, не срываясь въ примитивизмъ. Секретъ этого стиля въ его сдержанности при высокой внутренней напряженности: мпнпщпщ'омъ словесныхъ средствъ достигается большая изобразительность. Чуть не цѣлыя страницы летописнаго текста вливаются въ современную рѣчь, которая можетъ закончиться и славянскимъ академствомъ, нисколько не шокируя читателя.

Въ эту художественную форму авторъ влилъ очень богатое историческое содержаніе. История въ книгѣ Н. А. Клеппина рѣшительно преобладаетъ надъ житіемъ, какъ, впрочемъ, и въ древней «Повѣсти» XIII вѣка. Большое «Введение» ставитъ читателя лицомъ къ лицу съ историческою — какъ теперь любятъ выражаться — проблемой великорусскаго государства. Отдѣльныя главы ярко рисуютъ культурно-исторические типы — Киевской Руси, Суздаля, Новгорода, Ханскаго двора. Летописно-повѣствовательное изложеніе не сглаживаетъ четкихъ контуровъ рисунка. Для многихъ читателей впервые становится осязательно-живымъ образъ Суздальскаго города, да и ханской ставки въ Каракорумѣ. Но вотъ эти-то общія построенія автора и вызываютъ прежде всего на критическія замѣчанія.

Историческія построенія молодого историка отражаютъ вліянія В. О. Ключевскаго и евразійцевъ. Соловьеву-Ключевскому принадлежитъ схема крестьянскаго («сермяжнаго») у Н. А. К. Суздаля, которая въ настоящее время подлежитъ пересмотру. Проф. А. Е. Прѣсняковъ въ своей вышедшей въ 1918 году большой работѣ «Образованіе Великорусскаго государства» (къ сожалѣнію, оставшейся недоступной нашему автору) подчеркиваетъ древность сѣверныхъ городовъ, важность Волжскаго торговаго пути, значеніе мѣстнаго боярства и аристократическихъ элементовъ культуры. Последнія открытія въ области иконописи (работы Грабаря) указываютъ тоже на «аристократическій», изысканный характеръ суздальскаго письма, въ полной гармоніи съ известными памятниками суздальскаго зодчества. Въ свѣтѣ этихъ новыхъ наблюденій схема «сермяжнаго» Суздаля, столь подкупающая въ изложеніи Н. А. Клеппина, становится проблематичной.

Наука еще не сказала послѣдняго слова (да и первыхъ словъ еще не сказала) объ исторической концепціи евразійства. Въ книгѣ Н. А. Клеппина эта концепція играетъ роль ханскаго свержня. Уже съ

первыхъ страницъ ея заслуга св. Александра связывается съ моментомъ «соприкосновения Руси съ татарскимъ всемірнымъ царствомъ» (стр. 7). «Госаство Византии и Кіева» противопоставляется «насажденію Чингисхана» (стр. 16) Стѣдую уже установившейся традиціи, авторъ утверждаетъ: «Вхожденіе Сѣверной Руси въ татарское царство приобщило ее къ мировой исторіи. Оно открыло Суздаю тѣ горизонты, которыхъ у насъ не было» (стр. 15). Любопытно сопоставить съ этимъ нынѣ распространеннымъ, но голословнымъ утвержденіемъ замѣчаніе самого автора (стр. 121), что «для летописца, остававшагося на Руси, и далекій азиатскій путь, и ханская ставка, со всею ея жизнью, оставались далекими и незнакомыми». (Ср. наблюденія Прѣспякова о рѣзкомъ ухудшеніи условій поволжской торговли послѣ монгольскаго завоеванія: стр. 18 - 19).

Попытка (довольно естественная) сдѣлать изъ Александра Невскаго евразійскаго героя принадлежитъ, какъ извѣстно, проф. Г. В. Вернадскому (IV «Евраз. Временникъ»). Н. А. Клеининъ находитъ въ себѣ достаточно безпристрастія для признанія, что «Св. Александръ былъ несомнѣннымъ врагомъ татаръ», что подчиненіе его менѣе всего объясняется признаніемъ полезности для Россіи татарской власти или преданіемъ передъ татарами». Восточная политикка его диктовалась лишь «резвымъ учетомъ силъ», именно потому — и это пониманіе отличаетъ книгу Клеинина отъ вульгарной евразійской доктрины — она получаетъ трагическій характеръ.

И, однако, читатель не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что Житіе Н. А. Клеинина, въ сущности посвящено двумъ героямъ. За фигурой Александра на первомъ планѣ встаетъ сумрачный образъ Чингисхана, легендами котораго авторъ считаетъ нужнымъ прорѣзать русско-житійную тему Александра Невскаго. Три раза, безъ особой нужды, пышныя описанія ханской ставки перебиваются чтотолисъ сѣверныхъ битвъ. Читатель съ интересомъ слѣдитъ за этой новой темой, хотя религіозно она не можетъ не вносить диссонансовъ. Легенды о юности Чингисхана -- въ сущности, тоже агіографія хотя и языческая. Авторъ нисколько не желаетъ этизировать своего второго героя. Но павось силы, даже въ свирѣпости («пирамиды череповъ») имѣетъ для него своеобразную музыкальность.

Если тема Чингисхана въ Житіи св. Александра отзывается агіографическимъ безвкусіемъ, то историкъ, съ другой стороны, въ правѣ упрекнуть автора въ чрезмѣрной приверженности агіографическимъ схемамъ. Современный агіографъ не можетъ быть чуждымъ исторической критикѣ. Авторъ нигдѣ не обнаруживаетъ слѣдовъ знакомства съ классическимъ трудомъ Ключевскаго («Русскія житія») Это пренебреженіе къ критикѣ жестоко мститъ за себя. Авторъ постоянно гороритъ о «Житіи» св. Александра, какъ о какомъ-то единомъ, опредѣленномъ памятникѣ — при томъ обладающемъ для автора церковнымъ авторитетомъ. Но извѣстно, что древняя «Повѣсть» объ Александрѣ (XIII в.) не имѣетъ обычныхъ чертъ «Житія». Позднѣйшія же житія, начиная съ 16 вѣка («Макаріевскія») не являются ни историческимъ источникомъ ни даже каналомъ преданія. Пользуясь ими—по-

видимому, въ современной Четвы-минейномъ переложени — авторъ отмѣчаетъ, что св. Александръ «еще мальчикомъ былъ ссръезень, не любилъ игръ и предпочиталъ имъ Священное Писаніе» (стр. 37): въ данномъ случаѣ мы имѣемъ типичный литературный штампъ, изъ котораго нельзя дѣлать, какъ хочетъ авторъ, никакихъ характерологическихкихъ выводовъ

Гдѣ «Житіе» сыграло особенно злую шутку съ историкомъ, такъ это въ разсказѣ о первой побѣдкѣ Александра въ Орду. Все въ этомъ разсказѣ — колебанія князя, благословеніе митр. Кирилла и напутствіе послѣдняго, отказъ Александра пройти черезъ огни и слова его Хану — все списано въ XVI вѣкѣ изъ древняго сказанія о мученичествѣ св. Михаила Черниговскаго. Мы ничего не знаемъ о томъ, какъ велъ себя въ Ордѣ Александръ. Прошелъ ли онъ сквозь костры, какъ всѣ русскіе князья (кромѣ одного св. Михаила), не вида, подобно имъ, въ этомъ обрядѣ ничего языческаго, освободилъ ли Батый, послѣ казни Михаила, Невскаго героя отъ этого униженія, — изъ всѣхъ возможностей наименѣе вѣроятной представляется та, которую рисуетъ непонятная снисходительность Батыя въ отвѣтъ на отказъ русскаго князя въ повиновеніи. Четыре раза (кажется) Н. А. Клепининъ возвращается къ благословенію митр. Кирилла, пользуясь случаемъ для оцѣнки его церковной дѣятельности, — не подозрѣвая, что имя Кирилла просто замѣстило Іоанна, духовника Михайлова.

По счастью, обычно древняя «Повѣсть» и лѣтописи являются болѣе надежнымъ руководителемъ автора. Нельзя не замѣтить, что въ спорныхъ случаяхъ, когда Н. А. Клепининъ вынужденъ выбирать между гипотезами современныхъ историковъ, онъ дѣ примѣчанія къ своимъ работѣ выдаетъ такую установку, которая, будучи проведена послѣдовательно, сдѣлала бы, вообще, невозможной научную историографію. Вотъ образчикъ «Если возникаетъ противорѣчіе между разсказомъ житія и историческимъ изслѣдованіемъ, то оно, въ конечномъ итогѣ, разрѣшается вѣрою или невѣріемъ, принимающими или отвергающими большую достовѣрность житія, чѣмъ изысканіе челоуѣческаго ума» (стр. 195) Повидимому, авторъ считаетъ «житіе» за откровеніе Божественное, наравнѣ со Св. Писаніемъ. Ему чрезвычайно не нравится «раціоналистическій подходъ» въ исторіи (стр. 195 и 199), который онъ тутъ же квалифицируетъ, какъ «безпристрастный». Къ счастью, авторъ не дѣлаетъ всѣхъ выводовъ изъ этихъ чудовищныхъ предпосылокъ. Въ концѣ концовъ, онъ могутъ свидѣтельствовать не столько объ анти-научномъ «подходѣ» его ума, сколько о неискренности въ вопросахъ исторической критики. Пожелаемъ молодому историку поскорѣе ознакомиться съ методомъ историческихъ изслѣдованій. Что онъ обладаетъ историческимъ талантомъ, необходимымъ для большихъ построеній, особымъ и рѣдкимъ даромъ усмотрѣнія общаго въ конкретномъ, который составляетъ природу истиннаго историка объ этомъ его книга свидѣтельствуетъ съ полной несомнѣнностью

Григорій Писаревскій. Къ исторіи конгрессоваго царства польскаго при Александрѣ I. По невѣдаемымъ архивнымъ документамъ. Смоленскъ. 1827.

Г. Писаревскій, бывший профессоръ Варшавскаго университета, во время войны эмигрировавшій въ Ростовъ на-Дону, который изслѣдованія объ иностранныхъ колоніяхъ въ Россіи при Екатеринѣ II, издалъ теперь въ Смоленскѣ небольшую работу о внутреннемъ состояніи царства Польскаго въ концѣ царствованія Александра I, используя для своего очерка нѣкоторые невѣдаемые архивные документы. Общая картина того положенія вещей, которое установилось въ царствѣ Польскомъ при дѣйствіи конституціонной харта 1815 г., достаточно извѣстна. Царство Польское получило конституцію антидемократическую и первый сеймъ, созванный по волеизъявленію этой конституціи, прошелъ довольно гладко и какъ будто обѣщавъ въ дальнѣйшемъ возмочь мирнаго внутренняго развитія страны. Но уже ко времени созыва второго Сейма (1820 г.) въ руководящихъ кругахъ польскаго общества накопилось столько горькаго матеріала, что второй сеймъ прошелъ полъ знакомъ открытаго конфликта съ правительствомъ и ознаменовался рѣзкими выступленіями оппозиціи, во главѣ которой стояли братья Нѣмоевскіе, послы Калишскаго воеводства. Сеймъ отвергъ почти всѣ правительственные законопроекты и завадилъ правительство петиціями, въ которыхъ дѣятельность правительственныхъ органовъ была подвергнута запальчивой критикѣ. Причины недовольства были различны. Во-первыхъ, нѣрѣдки были случаи нарушенія конституціи со стороны правительственныхъ органовъ. Во-вторыхъ, в. кн. Константинъ Павловичъ, назначенный главнокомандующимъ польской арміей, а фактически занимавшій положеніе главы правительства и заслонившій собою наместника Заюнческа, часто давалъ волю взрывамъ своего бѣшеннаго темперамента. Очень большую роль въ ростѣ противоправительственнаго настроенія среди земледѣльческаго дворянства играли финансовыя и экономическія тягости. Князь Любецкій — министръ финансовъ въ царствѣ съ 1821 г., — всячески поощрялъ развитіе крупной промышленности, наибольшую тягость податнаго обложенія перенесъ на дворянское землевладѣніе. Наконецъ, — часто въ огонь поднимала уязвленная поляковъ мечта о возстановленіи самостоятельной Польши въ ея древнихъ предѣлахъ — съ Литвой и Западной Русью.

Уже ко времени созыва второго сейма Польша была покрыта сетью революціонныхъ организацій («Патріотическое Общество»), а легальные общественные круги были охвачены рѣзко оппозиціоннымъ настроеніемъ. Второй сеймъ только еще болѣе разжегъ страсти.

Въ 1822 г. предстоялъ созывъ третьяго сейма. Тутъ-то, въ виду взбудораженнаго состоянія страны, и возникъ вопросъ о томъ, не обойтись ли вопреки конституціи безъ такого созыва.

Къ обсужденію этого вопроса и къ связаннымъ съ нимъ проектамъ нѣкоторыхъ экстренныхъ мѣръ и относятся новыя документы, использованные Писаревскимъ. Документы эти показываютъ, что на отложеніи созыва сейма въ обходъ конституціи и на принятіи различ-

ныхъ репрессивныхъ мѣръ настаивалъ намѣстникъ-Зайончекъ, тогда какъ в. кн. Константинъ горячо высказывался за соблюдение конституціи и за созывъ сейма, увѣряя, что такимъ путемъ будетъ достигнуто умиротвореніе. Сеймъ въ 1822 г. созванъ не былъ. Въмѣсто того Александра I задумалъ издать на имя Константина Павловича рескриптъ, въ которомъ создавалось невозможное положеніе: одновременно предписывалось и соблюдать конституцію, и въ руки Константина давались диктаторскія полномочія. Текстъ этого не осуществившагося проекта и возраженій на него со стороны в. кн. Константина. Зайончека и Новосильцева, извлеченные Императорскимъ изъ архивовъ, приведены въбѣжкомъ въ его очеркѣ. Приводитъ Императорскій и депеша Зайончека в. кн. Константину въ Петербургъ о внутреннемъ состояніи Польши. Мнѣнія того и другого рѣзко расходились. Зайончекъ смотрѣлъ на положеніе мрачно и предсказывалъ революціонный взрывъ. В. кн. Константинъ, напротивъ того, высказывалъ твердое убѣжденіе, что революціонное возстаніе въ Польшѣ совершенно невозможно. Извѣстно, какъ послѣдующія событія опровергли этотъ резвый оптимизмъ. Третьій сеймъ былъ созванъ только въ 1825 г. Онъ прошелъ для правительства благополучно, благодаря принятымъ экстреннымъ мѣрамъ предосторожности. Но глубоко заблуждался г. кн. Константинъ, полагаая, что предостереженія Зайончека ни на чемъ не основаны, а самомъ дѣлѣ страна все быстрее приближалась къ катастрофѣ. Документы, использованные Императорскимъ, даютъ нѣсколько интересныхъ штриховъ въ дополненіе къ извѣстной ранѣе картинѣ внутреннихъ переживаній конгрессовой Польши.

А. Кизеветтеръ.

Академикъ Е. В. Тарле. Европа въ эпоху имперіализма 1871 — 1919 г. г. Государственное Издательство. Москва. 1927. 4 р. 50 к. Переплетъ 75 к. 482 стр.

Заглавіе книги заслуженнаго историка не вполне соответствуетъ ея содержанію. Это не исторія Европы въ указанный полувѣковой періодъ, а исторія имперіализма, или даже исторія міровой войны и ея подготовки. Въ самомъ дѣлѣ — міровой войнѣ посвящены 214 стр., а вмѣстѣ съ двумя непосредственно предшествующими ей годами — 276 стр., тогда какъ всему 42-лѣтнему періоду до нея всего 187. Ни изъ вступительной главы къ книгѣ Тарле, озаглавленной «Характерныя черты историческаго періода 1871 — 1914 г.», ни изъ всей книги, читатель ничего не узнаетъ о процессѣ демократизаціи всего государственнаго и общественнаго строя всѣхъ или почти всѣхъ странъ Зап. Европы, о почти повсемѣстномъ торжествѣ началъ парламентаризма, о намѣтившемся въ концѣ этого періода возникновеніи кризиса демократіи и парламентаризма, ярко сказавшагося послѣ войны. Несмотря на то, что войнѣ отведено очень много мѣста, о перемѣнахъ во внутреннемъ строѣ государствъ, вызванныхъ ею, не говорится ничего. Все это лежитъ внѣ поля зрѣнія автора этой книги. Мало того: краткія главы, говорящія о событіяхъ внутренней жизни Франціи и Англіи (а также Германіи), излагаются авторомъ исключительно подѣ